

— Ты что творишь?

Владыка Демонов метнулся вперёд, перехватил руку Ци Моюня, а его зрачки в одно мгновение превратились в вертикальные щели.

Ци Моюнь, чьи глаза ещё слипались от сна, посмотрел на него и тут же окончательно проснулся, испугавшись взгляда Владыки Демонов. Подумать только, стоило лишь заткнуть младшему ученику рот виноградиной, потому что тот слишком шумел, как этот тип уже готов убивать? И с чего это он так на него смотрит?

Сонливость всё ещё не отступила, внутри у Ци Моюня закипала злость. Он подался вперёд и свирепо глянул на Владыку Демонов, вот только из-за недавнего сна его взгляд был затуманенным и не обладал ни капли угрозы.

Видя, как лицо Ци Моюня медленно приближается, Владыка Демонов получил мощный удар по своим чувствам. Его сердце забилося в бешеном ритме — так сильно, что стало трудно дышать. Он разжал пальцы, отступил на три шага и, заставив себя отвернуться, вернул своим глазам человеческий вид.

Он не понимал, почему так бурно отреагировал, но раздражение внутри лишь росло. С трудом выдавив из себя слова, он произнёс:

— Глава праведных сект не так уж велик, как о нём говорят. Я не желаю здесь задерживаться. Ци Цзинчжи, помни: ты в долгу у меня.

С этими словами он взмахнул рукавом и удалился.

— Всего доброго, господин Владыка Демонов, — жуя виноград, пробормотал Му Сюаньгэ и закинул в рот ещё одну ягоду.

Это же Божественный Меч Линъюнь — Лочэнь!

В оригинальной книге упоминались три божественных меча: Гуюэ, Лочэнь и Божественный Меч Линъюнь. Оба первых принадлежали Бессмертному Почтенному Цюньюю. Гуюэ был его личным мечом, способным, по легендам, всколыхнуть небеса, а Лочэнь хранился в его коллекции и был скорее легендой, которую почти никто не видел.

Только что он чуть было не сбежал в панике.

Ци Моюнь первым прервал ледяное молчание:

— Учитель, вы позвали меня, чтобы дать какие-то наставления?

Нет такого культиватора, который не любил бы мечи. В звоне клинка Ци Моюнь ощутил возбуждение, с которым его тело отозвалось на вибрацию оружия. Только теперь он по-

настоящему взглянул на Бессмертного Почтенного Цюньюя.

Семь лет он пребывал в заблуждении, ежедневно мечтая лишь о том, как вырастет, сразится с ним, а затем собственноручно лишит его жизни. А теперь...

Лин Уюй был полон противоречивых чувств, не зная, как в будущем смотреть ему в глаза. Он крепче обнял меч, и в голове снова зашумело. Называя его Учителем, он не мог сфокусировать взгляд на Бессмертном Почтенном Цюньюе.

Когда Ци Моюнь поднялся, к нему вернулось былое хладнокровие. Он подошёл к Бессмертному Почтенному и произнёс:

— Приветствую, Учитель.

От холодного ветра кончик носа Ци Моюня покраснел. Даже несмотря на то, что духовная сила в этом теле восстановилась, он всё ещё страдал от холода — это было связано с природой полудемона Ци Цзинчжи, если только он не начинал использовать ядро демона, принадлежавшее матери Ци Цзинчжи.

Бессмертный Почтенный Цюньюй обернулся. Его серебристые глаза под белыми ресницами отражали небесный свет; казалось, в них застыло множество невысказанных слов, которые тут же исчезли, сменившись непроницаемой тьмой. Меч Линъюнь наконец перестал дрожать.

Они поднялись на вершину к небольшой беседке. Если бы не шкала очков симпатии, Ци Моюнь счёл бы всё это смятение в его глазах галлюцинацией.

Пик Цинъюнь был круглый год покрыт льдом и снегом, и в разгар зимы здесь было холоднее, чем в любом другом месте. Возможно, из-за того, что он практиковал Путь Бесчувственности, прогресс очков симпатии застрял на середине, не двигаясь ни вверх, ни вниз.

Принять этот меч он мог без всякого смущения. И когда Ци Моюнь с поразительной скоростью растрепал его волосы, Лин Уюй даже не успел этого осознать. Он выбежал из комнаты не из-за того, что увидел ту сцену, а просто слишком нервничал, увидев Ци Моюня.

Ци Моюнь сделал несколько шагов, плотно пристраиваясь за спиной Бессмертного Почтенного, чтобы укрыться от встречного ветра. Бессмертный Почтенный Цюньюй развернул запястье, и духовная сила, сгустившись, превратилась в меч.

Да, даже этот бесстрастный небожитель перед ним подвергся влиянию атрибута обаяния всеобщего любимца.

Ци Моюнь легко принял подарок:

— Благодарю, Учитель.

Очки симпатии не были заполнены, и Ци Моюнь не мог их принять.

Раздался ледяной голос, холодный, как иней:

— Иди за мной.

Глаза цвета воронова крыла, без единой искры жизни, без проблеска света — казалось, он не видел ничего вокруг. Разумеется, его уровень культивации уже достиг поздней стадии Дачэн, оставалось лишь пережить Громовую кару.

Бессмертный Почтенный Цюньюй будет лишь холоднее него.

Учитель Лин Уюй будто очнулся от сна и тихо выдохнул: оказывается, я взял его в ученики. Но как только он начинал использовать ядро демона, его маскировка могла рухнуть.

Раз уж ты спас Учителя, так и быть, пощажу тебя, — подумал Лин Уюй, обращаясь к мечу Линъюнь.

Стоило ему вспомнить, как старший брат покормил его виноградом, он расплылся в улыбке. Во рту было так сладко, что он совсем забыл о цели своего прихода и лишь размышлял, как бы укрепить барьер Секты Небесного Меча, чтобы не пускать Владыку Демонов за ворота.

Бессмертный Почтенный Цюньюй был великолепен: белоснежные одежды, прямая осанка, три тысячи седых волос, ниспадающих до пояса. Он выглядел как истинный небожитель, готовый в любую секунду вознестись.

Если бы тогда Бессмертный Почтенный Цюньюй хоть немного доверился Ци Цзинчжи, или если бы Ци Цзинчжи не был так зависим от него, он не дошел бы до такой крайности, не упал бы так низко и не закончил бы жизнь в отчаянии.

Ци Моюнь догнал его, и по пути они заметили Лин Уюя, прятавшегося за дверью. Лин Уюй, обхватив меч Линъюнь, стоял, опустив голову.

Клинок был ледяного синего цвета, его сияние переливалось, словно рассыпанные звёзды, отражаясь в глазах Ци Моюня.

Бессмертный Почтенный Цюньюй протянул меч Ци Моюню:

— Отныне ты — хозяин Лочэня.

Меч Линъюнь в руках Лин Уюя стал обжигающе горячим. При мысли о том, что этот меч под контролем Гун Цяньшуя ранил Ци Моюня, ему хотелось выбросить его прочь. Меч будто почувствовал это и задрожал.

Из беседки открывался вид на уединенный павильон, скрытый в море облаков — должно быть, обитель Бессмертного Почтенного.

На пути к вершине Ци Моюнь и Бессмертный Почтенный Цюньюй не обменялись ни словом. Раз уж Бессмертный Почтенный готов возместить ущерб этим мечом, а этому телу он нравится, то пусть так и будет.

Ци Моюнь не был автором оригинальной книги, он не мог предугадать, что именно Ци Цзинчжи чувствовал к Бессмертному Почтенному; не был он и самим Ци Цзинчжи, чтобы разбираться в их взаимных обидах. Он знал лишь одно: со всем этим нужно поскорее покончить.

Бессмертный Почтенный Цюньюй рано или поздно вознесётся, и хорошо, что атрибут обаяния всеобщего любимца не так сильно на него влияет. Ци Моюнь решил, что если будет меньше общаться с ним, то всё будет в порядке.

К удивлению Бессмертного Почтенного, реакция Ци Цзинчжи, получившего меч Лочэнь, была слишком холодной. Он отлично помнил, как в детстве Ци Цзинчжи обожал этот меч, как в его глазах загорался свет, который невозможно было скрыть. Но теперь в глазах Ци Цзинчжи не было ни искры, даже когда в его руках лежало само звёздное сияние. Что-то неуловимо изменилось.

Приведя его сюда, Бессмертный Почтенный хотел спросить, желает ли он остаться на пике Цинъюнь, хотел помочь ему прорваться на стадию Зарождающейся Души, хотел искупить свою вину... Но...

Некогда близкие учитель и ученик, часами беседовавшие под луной, теперь молчали, глядя друг на друга.

Бессмертный Почтенный Цюньюй смотрел, как Ци Моюнь поблагодарил его и удалился. Он долго стоял в беседке, пока свет не померк и вновь не пошёл снег.

Бессмертный Почтенный Цюньюй в одиночестве шёл сквозь снег под белым зонтом, направляясь к водной темнице. Она была построена глубоко под горой, куда стекались воды Озера Звездной Реки. Ступени уходили далеко вниз, в полумрак. В воздухе стоял тяжёлый запах крови.

Бессмертный Почтенный сложил зонт и остановился посреди лестницы, глядя сверху вниз на двоих, закованных в цепи. Заметив, что Сун И уже мёртв, он опустил длинные ресницы, в его глазах промелькнула жалость.

Цепи зазвенели. Гун Цяньшуй уставился на него покрасневшими от ярости глазами, скрипнул зубами и прохрипел:

— Мой дорогой Учитель, ты ведь бесчувственен и лишён желаний, неужели ты способен на сострадание?

Бессмертный Почтенный молчал. Гун Цяньшуй усмехнулся:

— Ах, я был глуп. Конечно, Учитель полон чувств, иначе как бы ты за эти семь лет уединённой медитации обучился технике иллюзий и на глазах у всех глав сект использовал её, чтобы снять обвинения с Ци Цзинчжи? Неужели ты заранее предвидел, что сегодня Ци Цзинчжи очистит своё имя? Тьфу! Что за бред — достаточно выйти из иллюзии, чтобы доказать свою невиновность! Даже если бы Ци Цзинчжи был виновен, ты бы всё равно позволил ему выйти сухим из воды!

Бессмертный Почтенный закрыл глаза. Вокруг него из пустоты возникли снежные вихри. Ветер взметнул белые одежды и волосы, по водной глади пошла рябь. В то же самое время Гун Цяньшуй забился в муках: снежинки превратились в незримые лезвия, пронзающие его меридианы. Когда он рухнул в воду, от его культивации не осталось и следа.

Бессмертный Почтенный повернулся и направился к выходу:

— Сюаньгэ выпроводит тебя с горы.

— Ха... ха-ха-ха-ха! — Гун Цяньшуй выкарабкался из воды, выплёвывая кровь. Его зубы были залиты красным, а налитые кровью глаза неотрывно следили за спиной Бессмертного Почтенного. Он прошипел: — Се Силоу, посмотри на себя! Ты всегда был предвзят! Мы все твои ученики, как ты можешь быть настолько несправедлив?!

Бессмертный Почтенный, казалось, не слышал его слов. Он поднял зонт, собираясь раскрыть его.

— Се Силоу, ведь именно Ци Цзинчжи стал причиной, по которой ты едва не впал в Искажение ци, не так ли?

Рука, державшая зонт, замерла, остановился и сам Бессмертный Почтенный. Слова Гун Цяньшуя эхом разнеслись по пустой темнице:

— Ци Цзинчжи — твой внутренний демон, я прав?

Едва он договорил, как зонт с силой пролетел мимо, едва не задев его ухо, и вонзился в стену. Лицо Бессмертного Почтенного оставалось невозмутимым, он ровным шагом поднимался по ступеням, но его правая рука, скрытая в широком рукаве, мелко и сильно дрожала — та самая рука, что только что держала зонт.

Попад в темницу, Гун Цяньшуй уже не рассчитывал на спасение; он пришёл лишь для того, чтобы сорвать маску с этого человека. Увидев, что Бессмертный Почтенный в ярости, он стал ещё дерзче, осыпая его проклятиями и ядовитыми словами. Когда Бессмертный Почтенный

ступил на последнюю ступень, Гун Цяньшуй взревел:

— Се Силоу, я проклиная тебя! Ты никогда не постигнешь Путь Бесчувственности и никогда не получишь Ци Цзинчжи! Ха-ха-ха-ха!

Ци Моюнь был крайне недоволен поведением ученика. Уже стемнело, а он вместо того, чтобы готовить ужин, машет мечом посреди двора. Он что, не видит, что рыба в пруду уже начала выпрыгивать от страха?

Лин Уюй всё ещё сильно нервничал. Ему потребовалось много времени, чтобы осознать тот факт, что он ненавидел не того человека. Его терзало чувство вины. Теперь, когда человек, которого он так ненавидел, стал его Учителем, он целый день не знал, как себя вести, и решил практиковаться в фехтовании прямо перед ним, надеясь хоть немного улучшить впечатление о себе.

Заметив, что Учитель наблюдает за ним, он стал стараться ещё больше, демонстрируя мастерское владение мечом Линъюнь. Ци Моюнь постепенно терял терпение и применил силу боевой системы. Через мгновение на поверхности пруда всплыли рыбы, перевернувшись брюхом кверху.

— Достаточно, — прохладно произнёс Ци Моюнь, глядя на Лин Уюя. — Несколько рыб в пруду утонули, иди разберись с ними.

Лин Уюй спрятал меч и, даже не поняв, что что-то не так, послушно поплёлся к пруду. Выловив оглушённых рыб, он запоздало осознал: как ученик, он должен заботиться о быте Учителя. Но Учитель уже говорил, что его стряпня невкусная... вдруг он возненавидит его? Если бы у Лин Уюя были пушистые уши, сейчас они бы наверняка обвисли. Нет, в прошлый раз он улучшил способ готовки, Учитель больше не скажет, что это несъедобно.

С этой мыслью к Лин Уюю вернулась уверенность, и он, подхватив рыбу, отправился на кухню.

Ци Моюнь, видя, что его намёки подействовали, в хорошем расположении духа вошёл в дом, полулёг на кушетку и прикрыл глаза, ожидая, пока ученик приготовит ужин.

В ушах прозвучал голос номер 996:

— Хозяин, не хотите ли послушать радиопостановку, чтобы скоротать время?

— Что это такое?

— Похоже на рассказы странствующих сказителей, только озвучено разными актёрами ролям.

Ци Моюнь, как и Ци Цзинчжи, был принцем и вырос во дворце, поэтому такие вещи его заинтересовали.

— Хорошо.

996 начало трансляцию. Спустя полчаса Ци Моюнь велел остановиться.

— Что случилось, хозяин? — спросило 996.

Ци Моюнь резко сел, чувствуя, что его мировоззрение трещит по швам:

— Что происходит с сюжетом? Учитель и ученик...

— Хозяин, как вам?

Лицо Ци Моюня залилось краской, в ушах всё ещё звучали болезненные вздохи учителя из постановки.

— Это же попрание всех норм! Совершенное отсутствие морали!

Работает! 996 изначально хотело найти Ци Моюню какие-нибудь светские романы об учителях и учениках, но тот жаловался, что у него болят глаза, поэтому 996 решило использовать радиопостановки — причём такие, где ученик ведёт себя по отношению к учителю крайне неподобающе. Это должно было предостеречь Ци Моюня, чтобы он начал относиться к этому серьёзно, перестал постоянно гладить ученика по голове, соблюдал дистанцию и не был ни слишком добрым, ни слишком строгим, уничтожая любые ростки чувств на корню.

— Итак, хозяин... — 996 продолжало намекать: — Вы и...

— Я не собираюсь ничего делать с Бессмертным Почтенным Цюньюем! Он же холодный как лёд!

996: ...

Подождите, рост Бессмертного Почтенного — метр девяносто, а вы ниже его на семь-восемь сантиметров, откуда столько уверенности? Нет, не то. 996 покачало головой: как он умудрился запутать меня?

Ци Моюнь продолжал ворчать себе под нос:

— Я и так мало говорю, а он ещё меньше. Этот человек просто странный.

— Хозяин! — 996 было готово впасть в истерику. — Я говорю о вас и Лин Уюе! А что если он вырастет? А что если узнает? Он ведь главный герой!

Ци Моюнь: ...

Он бессильно откинулся на кушетку. Тот мелкий с гетерохромией, что бегают снаружи? Смешно.

<http://bllate.org/book/22076/2295638>